

Текст · 14 сентября 2021, 07:42

Алла Константинова,

«Фельдшер кричал мне: "Руслан, отдай вес, тебя посадят"». Как врачей заставили сообщать полиции о передозировках (раньше это было необязательно)

На 22-летнюю Алену Потапенко^[1] из Москвы в феврале этого года завели уголовное дело по статье о склонении несовершеннолетнего к употреблению наркотических средств (часть 3 статьи 230 УК). За месяц до этого сосед нашел ее с подругой в подъезде без сознания.

«Я общалась с девочкой, которая любила искать закладки, — рассказывает Алена. — Была зима, мы зашли погреться в подъезд, она начала искать что-то. Нашла. И, внушив мне, что это определенный наркотик, уговорила употребить».

О том, что происходило дальше, Алене уже в больнице рассказала ее мать. Обеих девушек к ней на руках принес жилец одной из квартир.

«Моя мама позвонила маме моей подруги и сказала ей, чтобы та приехала — решать, что делать, — продолжает девушка. — Моя предложила ей вызвать нашего знакомого нарколога. Мама подруги пошла на отказ и настаивала на скорой».

После выписки из больницы Алену вызвали в полицию на комиссию по делам

несовершеннолетних, а затем в Следственный комитет. По словам Потапенко, там она узнала о показаниях подруги: та рассказала следователям, что попробовать наркотик ее уговорила Алена. «Вот уже полгода ведется расследование, у меня два адвоката, — говорит Потапенко. — Я надеюсь, я выиграю это дело. Если мне удастся доказать правду».

В мае 2020 года скорая приехала в петербургскую квартиру Марины Демидовой^[2], которая незадолго до этого употребила героин с метадоном и почувствовала себя плохо. Врачей вызвал друг Марины. Правда, вместе со скорой приехала и полиция.

«Менты пришли после скорой сразу же: "Откуда взяла, кто принес?", — вспоминает она. — Им не ответили. В итоге попросили меня написать какую-то объяснительную, которую я, конечно, не писала. Они ушли и больше проблем не было».

А вот жителя Уфы Руслана Зарипова^[3] после госпитализации в токсикологическое отделение местной больницы поставили на годовой профучет в наркодиспансер. Зарипова, по его словам, хватило ненадолго: «Раз в месяц в течение года нужно было ходить в наркологичку, сдавать анализы, мочу, — говорит он. — Я три месяца походил, а потом начал торчать снова — и все».

В январе 2020 года прохожие вызвали Зарипову скорую прямо на автобусную остановку. Ему стало плохо в пути: примерно за час до этого Руслан принял несколько таблеток MDMA.

«Я ехал за 10 граммами в лес, было минус 30 на улице, забрал пакет, — вспоминает он. — В автобусе картинка резко пропала, потом я почувствовал, что стою на коленях в снегу».

Очнулся Зарипов уже в больнице. «Меня прокапали, все дела, — говорит он. — Взяли анализ мочи: я понимаю, что попал. Пришел следователь, спрашивает: "Где взял? Точно ни на кого заявление писать не будешь?". Ответил, что не буду и ничего не знаю».

О том, что у него были при себе наркотики, Зарипов вспомнил лишь в больнице, но в личных вещах пакета не нашел. По словам юноши, выбросить вещество еще на остановке его уговорил медик скорой.

«Фельдшер кричал мне в ухо: "Руслан, отдай вес, у тебя особо крупный размер, тебя посадят!"» — вспоминает он. Зарипов не помнит, как избавился от пакета, но полагает, что это спасло его от уголовного дела.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Ничего, кроме репрессий

Если врачи приехали на вызов и обнаружили пациента с признаками передозировки, бригада скорой обычно звонит в дежурную часть, рассказывает Ольга Чайка, фельдшер станции скорой помощи Петрозаводска.

«При этом записываем фамилию того, кто в полиции принял от нас сообщение и вносим ее в карту вызова, — говорит она. — Если пациент не признает, что принимал наркотики, то остается поверить ему на слово. В том случае, если мы не видим явные признаки наркотического отравления: точечные зрачки, галлюцинации, нарушение дыхания. Принудительно отправить его в стационар мы не можем, но отвезти туда по состоянию — да. Там у него могут взять кровь на наличие наркотических веществ».

Правила информирования полиции о передозировках Минздрав закрепил в [приказе](#) 2020 года, в нем конкретизирован [закон](#) «Об основах охраны граждан», говорит Тимур Мадатов, юрист фонда имени Андрея Рылькова^[4] (ФАР). При этом сообщать в полицию о передозировках обязаны руководители медицинских организаций, а не бригады скорых, добавляет Мадатов.

«До 2020 года аналогичный порядок не предусматривал необходимости сообщать об отравлениях наркотическими средствами, а указывал, что сообщать стоит лишь о гражданах, поступивших "в состоянии, вызванном воздействием токсичных, ядовитых и психотропных веществ", — уточняет юрист. — Наркотических средств [в

формулировке] не было, то есть о человеке, который поступил с передозировкой героином или другим опиоидом, который можно приобрести на улице, врачи не обязаны были сообщать».

При этом основная масса передозировок в России — это передозировки опиоидами, напоминает Мадатов. «Именно этот вид передозировок является самым опасным, так как несет высокий риск гибели человека. — говорит он. — То есть человек раньше мог не опасаться вызывать скорую помощь, а сейчас ситуация обратная».

По данным Росстата, в 2020 году число смертей, связанных с наркотиками, выросло до 7 316 человек. В 2018 году этот показатель составлял 4 569 человек. Среди причин смерти Росстат называет психические расстройства, вызванные употреблением наркотиков, случайное отравление и отравление «с неопределенными намерениями». Всего в России в 2020 году, по данным ведомства, умерли 2 138 586 человек (в 2019 — 1 798 307). Общая смертность выросла почти на 19%.

До 2020 года медики также могли сообщать полиции о вызовах к наркопотребителям. Формально им это позволяла сохранившаяся и в действующей редакции приказа формулировка про «вред здоровью в результате противоправных действий», говорит Мадатов.

«Медики в первую очередь руководствуются не законом, а ведомственными приказами и регламентами, — говорит он. — Допускали ли [до 2020 года] врачи расширительное толкование этой нормы при отсутствии указания на необходимость сообщать о случаях "отравления" наркотиками — мне неизвестно».

«Я редко употребляю, но метко, — рассказывает москвич Юрий Романов^[5]. — Была пара случаев, когда скорую хотелось вызвать очень сильно, но было страшно. А в этом году я расстался с девушкой, у меня был пакет амфетамина, и я его уничтожил довольно быстро. Началась аритмия, я не мог уснуть часов 30. Позвонил в скорую, приехали молодые парень и девушка. Думаю, что они все поняли и без лишних слов сделали кардиограмму. Задавали мне вопросы про наркотики, я намекнул, что употреблял. В итоге сказали мне, чтобы я больше по глупости не употреблял, пожелали удачи и уехали».

Причина бездействия медиков — не сочувствие к пациентам, а нежелание общаться с полицией, считает Алексей Семецкий, фельдшер скорой в Орле.

«Передать [данные] несложно, но потом у полиции будет много вопросов к самим медикам, — говорит он. — Это нудно: чаще полицейские приезжают сами, обычно поздно ночью, так как "вмазываются" обычно вечерами. И вместо отдыха медикам нужно общаться с полицией. А пояснить особо и нечего. Даже если пациент и назвал реальные данные: ну найдет его полиция, ну оформят административку за

употребление. Она ему как шла, так и ехала. Ничего не изменится».

Иногда полиция может попытаться обыскать квартиру наркопотребителя, о котором сообщила скорая, говорит Мадатов.

«Но основанием для проведения обыска может быть только наличие судебного постановления, — напоминает он. — Даже не постановления следователя, а именно судебного постановления. Если у сотрудников полиции этого документа нет — вы имеете полное право не впускать их за порог вашего дома. Иногда сотрудники полиции хитрят и придумывают всяческие "согласия на обыск". Дескать, "какой же это обыск, если человек сам нас впустил по своему желанию"? Никаких подобных документов подписывать, разумеется, не стоит».

Российские законы только усугубляют стигматизацию наркопотребителей, считает координатор ФАР Максим Малышев. Даже если человек избежит уголовного преследования, на него могут завести дело за употребление (статья 6.9 КоАП) или отправить на трехлетний наркологический учет.

«Несколько лет назад они разделили понятие "наркологический учет" на две составляющие. Первая — это тот самый учет и, чтобы на него встать, нужно подписать информированное согласие. Но есть еще так называемый "профилактический учет" — на него ставят без согласия [пациента], автоматически по месту жительства. И по сути, это то же самое — только без твоей подписи. Постоянно туда ходить, писать в баночку — и никого не волнует, должен ли

ты отпрашиваться с работы для этого, например, или нет».

Вместо лечения или реабилитации государство накладывает на наркопотребителей лишь обязательства, что только усугубляет проблему, продолжает Малышев.

«Почему-то не прописывают работу с психологом, реабилитацию, ведь зависимое употребление веществ — это часто симптом чего-то, компенсация [человеком] каких-то внутренних особенностей, — говорит он. — Ни лечения психоделиками, ни другой альтернативной формы детоксикации, подразумевающей не полную абстиненцию, а контроль за употреблением. Должно быть понимание, что это заболевание: сложное, часто неизлечимое. Но эти люди ничем не хуже раковых больных, людей с аутоиммунными заболеваниями, они заслуживают той же поддержки. А у нас человеку, кроме репрессий, ничего не предлагается взамен».

Редактор: Мария Климова

-
1. Фамилия изменена.
  2. Имя изменено.
  3. Фамилия изменена.
  4. Фонд имени Андрея Рылькова поддерживает социально уязвимые категории людей — ВИЧ-инфицированных и наркозависимых. Внесен в реестр «иностранных агентов».
  5. Имя изменено.